

ЛИЧНОСТНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ЕЕ ДОСТИЖЕНИЯ

Н. Е. Харламенкова

Проблема безопасности человека, безопасности личности продолжает оставаться для психологии актуальной проблемой. Обусловлено это интересом самых разных авторов к изучению базовых потребностей человека, среди которых особое место занимают потребности в самосохранении, в безопасности, в редукции напряжения. К. Роджерс писал, что «свобода от внутреннего напряжения, или психологическая приспособленность, существует, когда я-концепция, по крайней мере приблизительно, конгруэнтна всем опытам организма» (Роджерс, 2002, с. 719), т. е. когда «все сенсорные и висцеральные опыты допускаются к осознанию через точную символизацию и организуются в единую внутренне согласованную систему, которая является структурой „я“ или связана с ней» (там же, с. 719–720). В этой интеграции активную роль играет сам *субъект*, обеспечивая согласованность механизмов проекции и интроекции в своем раннем опыте и постепенную дифференциацию от психосоциальной персоны и архетипических фигур коллективного бессознательного в более поздние годы жизни (К. Юнг), выбирая способы регуляции мотивационно-потребностной сферы.

Согласно К. Хорни, существуют факторы, определяющие состояние психического благополучия/неблагополучия, одним из которых выступает близкое окружение ребенка или взрослого человека. Комментируя позицию К. Хорни, Г. Хржановски пишет, что в раннем детстве наличие враждебности со стороны близких «приводит к формированию поведения, нацеленного на самоуничтожение, причем у человека развивается крайне выраженная потребность в безопасности, склонность к враждебному поведению и к компенсаторному самовозвеличиванию» (Хржановски, 2002, с. 363). Хорни отвергает идею биологического детерминизма и отстаивает онтологичес-

кую позицию «здесь и сейчас». Она полагает, что развитие ребенка находится под влиянием социальных условий. «Из-за холодности и враждебности его семейного окружения он не чувствует себя в безопасности, и у него возникает тревожность, чувство глобальной беды – самое болезненное из того, что может испытывать человек. Чтобы избежать этого чувства тревоги, формируется внутренняя убежденность в том, какой должна быть защита от внешних опасностей. Но эти защитные механизмы в свою очередь становятся причиной новых затруднений, ибо отчуждают человека от его творческой человеческой сущности и он перестает видеть свою собственную ценность и свои природные дарования» (там же, с. 364).

Цели терапии, по мнению Хорни, состоят в достижении ответственности, спонтанности, доверия к себе, искренности. Чувство ответственности, по-существу, означает самоутверждение, т. е. способность принимать решение без посторонней помощи и вести себя, основываясь на собственных убеждениях. Спонтанность предполагает открытость в сфере эмоциональных реакций, а доверие к себе подразумевает ясность и определенность собственной системы приоритетов и ценностей и уважение ценностей других людей. Три выделенных конструкта – ответственность, спонтанность и доверие – определяют чувство личной безопасности.

А. Маслоу рассматривает потребность в безопасности как базовую человеческую потребность. Она включает в себя такие переживания, как потребность в стабильности, в зависимости, в защите, в свободе от страха, тревоги и хаоса, потребность в структуре, порядке, законе, ограничениях. Безопасность тесно связана с вероятностью угрозы и сопряжена с желанием *защиты и участия*. Для ребенка, пишет Маслоу, «больше по вкусу, когда окружающий мир предсказуем, размерен, организован. Всякая несправедливость или проявление непоследовательности, непостоянства со стороны родителей вызывают у ребенка тревогу и беспокойство» (Маслоу, 2001, с. 83). Именно поэтому ребенок стремится жить в безопасном, стабильном, организованном, предсказуемом мире, где действуют раз и навсегда установленные правила и порядки, где исключены опасные неожиданности, беспорядок и хаос, где у него есть сильные родители, защитники, оберегающие его от опасности.

Маслоу напрямую связывает испуг и опасность, с одной стороны, и стабильное общество и безопасность, с другой. «Люди, живущие в мирном, стабильном, отлажено функционирующем, хорошем обществе, могут не бояться хищников, жары, морозов, преступников,

им не угрожает ни хаос, ни притеснения тиранов» (там же, с. 84). В связи с этим логично предположить, что «неожиданно возникающая угроза хаоса у большинства людей вызывает регресс мотивации с высших ее уровней к уровню безопасности» (там же, с. 86) и проявляется в компульсивно-обсессивном поведении, в виде ритуализации, строгого следования правилам, формулам, ориентирам, схемам.

Современные исследования по проблеме безопасности придерживаются традиции выделять профессиональную безопасность, безопасность в семье, физическую безопасность. Кроме привычных аспектов проблемы, стали усиленно изучаться такие вопросы, как безопасность в рамках психотерапевтических отношений, психологические средства безопасности, личная безопасность; разрабатываются программы, обеспечивающие чувство стабильности, уверенности, последовательности.

Безопасность в профессии определяется не только соблюдением правил технической безопасности. Огромную роль в сохранности этого чувства отводят социально-психологическому климату в группе (Christian, Bradley et al., 2009; Wallace, Popp, Mondore, 2006), особым лидерским качествам – дружелюбию и контролю, которые коррелируют с безопасностью группы (Walumbwa, Schaubroeck, 2009), специально организованным тренингом (Leiter, Zanalett, Argentero, 2009), построенным на модели восприятия риска и контроле поведения.

Особое место в изучении состояния опасности/безопасности отводят социальным факторам, при этом учитываются степень и тип угрозы (Overstreet, Braun, 2000), а также собственно психологические факторы – установки, стереотипы как проявления социально-психологической идентичности (Purdie-Vaughns, Steele et al., 2008), уверенность в защите, модели привязанности (Dickstein, 1999). Основанием для развития у ребенка чувства безопасности считается благоприятная семейная среда (Morrongiello, Corbett, Bellissimo, 2008; Szapocznik, Prado, 2007), и прежде всего – участие матери. Согласно Ф. Дольто, ребенок нуждается в «символической матери», которая не просто ухаживает за ним, а предлагает ему новые средства – сублимацию в ситуации наложения запрета на влечения, которые расширяют возможности ребенка, открывают ему социальный мир (Дольто, 2006). Отцовское влияние также оказалось очень значимым. В исследовании Д. Швелея и К. Брезаушека (Schwebel, Brezausek, 2007) учитывались два фактора, влияющие на степень травматизации ребенка: постоянное/непостоянное общение отца с ребенком и общение с ним дома и вне дома. Оказалось, что дети,

которые с самого рождения и регулярно общались с отцом дома, получали меньше травм и увечий, чем дети, чьи родители не уделяли им должного внимания.

Согласно Дж. Боулби (2003), чувство безопасности достигается посредством установления надежной привязанности между родителями и детьми. С. Гольберг, Д. Грушек и Д. Дженкинс (Goldberg, Grusec, Jenkins, 1999) показали, что центральным конструктом привязанности является *защита*, которая, по существу, и обеспечивает личную безопасность ребенка. Понимание привязанности как защиты разделяется и другими авторами, считающими, что защита должна рассматриваться не в общем виде (например, как «хорошее родительство»), но изучаться дифференцированно (Isabella, 1999). При дифференцированном подходе к привязанности как к защите принято выделять ее отдельные составляющие – любовь и доверие (love and confidence). По мнению К. Макдональда (MacDonald, 1999), эти два конструкта являются независимыми системами, выполняют разные функции, сопровождаются разными эмоциональными переживаниями.

Относительно новое направление в изучении безопасности – пространство взаимоотношений клиента и психотерапевта. Терапевтическое воздействие описывается как система связи надежды и безопасности (Helm, 2004), а терапевтические отношения как отношения, которые клиент пытается протестировать на безопасность (Rappoport, 1997). В литературе активно обсуждаются достоинства и недостатки так называемого «контракта на безопасность», который подписывается двумя лицами любого возраста, выражающими тем самым уверенность в том, что они могут взять на себя обязательство помогать друг другу оставаться вне опасности. Конструкт «contracting for safety» (CFS) описывается как эффективный метод управления суицидантами, однако его надежность не доказана и даже активно оспаривается (Egan, 1997).

Личностная безопасность (personal safety) выделяется в качестве отдельного конструкта, описываемого не только как физическая безопасность (Weitlauf, Smith, Cervone, 2000), но и как безопасность личности, способной к регуляции отношений со средой и к саморегуляции. В контексте личностной проблематики изучаются мотивация просоциального поведения (Wilson, Petruska, 1984), склонность к риску (Weinstein, 1984), панические атаки и особенности личности (Carter, Hollon, Carson, Shelton, 1995), способность обращаться к логике и рассуждению, а также к таким эмоциональным реакциям, как смех, для достижения безопасности (Occhipinti, Siegal, 1994).

В современной психологии, несмотря на разнообразие исследований по психологии безопасности, изучение стратегий, которые активно использует сама личность для сохранения психического благополучия, требует тщательного анализа и переосмысления. В этом и состоит основная проблема исследования.

Цель исследования – выявить общие и частные стратегии переживания опасности или достижения безопасности как реакции на разные типы угроз.

Гипотезы исследования следующие.

1. Предполагается, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы.
2. Безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода.
3. Низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности.

Задачи исследования:

1. Сопоставить описание ситуаций опасности и безопасности по категориям «главный герой», «тип угрозы», «средства достижения/сохранения безопасности».
2. Проанализировать ассоциации на слово «безопасность»; выделить группы ассоциаций, проследить различия в описании безопасности при наличии разных установок: «на опасность» и «на безопасность» на фоне нейтральной (стандартной) по отношению к опасности/безопасности инструкции.
3. Выявить индивидуальные различия между людьми в восприятии ситуаций опасности/безопасности и определить общие и частные стратегии преодоления опасности.

Основные гипотезы и задачи исследования определили логику эмпирической части работы.

Методика

Участники исследования

Обследован 201 чел.: 121 женщина ($M_e = 24 \pm 6,2$) и 80 мужчин ($M_e = 22 \pm 5,7$) с незаконченным высшим образованием.

Тестовый материал

В качестве стимульного материала использовалась таблица № 14 из набора картинок Тематического апперцептивного теста (ТАТ). На таблице изображен силуэт мужчины на фоне ярко освещенного окна, вся остальная поверхность картины черная. По мнению Е. Т. Соколовой, таблица выявляет общий фон настроения, иногда депрессивные и суицидальные тенденции, честолюбивые мечты (Соколова, 1980, с. 164); направлена на актуализацию личной темы.

Общее описание процедуры исследования

Испытуемым, которые делились на три группы, предлагалось составить рассказ по предъявляемой таблице. Первой группе ($n = 70$) и второй группе ($n = 70$) до предъявления инструкции «составьте рассказ» предлагалось оценить изображенный на картинке сюжет, состояние героя по 10-балльной шкале «безопасное–опасное» (первичная оценка). Далее предъявлялась инструкция. Группу 1 просили представить героя в состоянии опасности и составить рассказ по картинке. Группе 2 предлагалось представить героя в безопасном состоянии и тоже составить рассказ. После того как рассказ был придуман, обеим группам предлагали оценить его по той же самой шкале (вторичная оценка). Третья группа ($n = 61$) получала стандартную инструкцию без предварительной оценки таблицы (картинки). Такая процедура работы с таблицей позволяла устранить влияние ее предварительной оценки на выбор сюжета рассказа, избежать узкой ориентации испытуемого на тему безопасность/опасность. После составления рассказа испытуемых группы 3 просили оценить свое первое впечатление от картинки по шкале «безопасность–опасность» (первичная оценка), а затем оценить сам рассказ (вторичная оценка). Далее всем трем группам испытуемых задавались стандартные вопросы: 1. Что угрожает герою рассказа? 2. Что нужно для достижения безопасности? Какие средства? (для группы 1), или Что нужно для сохранения состояния безопасности (для группы 2). Группе 3 этот вопрос формулировали полностью: Что нужно для достижения либо сохранения безопасности?

В конце исследования испытуемых просили дать ассоциации к слову «безопасность» в форме перечисления признаков.

Кодировка ответов

Анализ результатов начинался с объединения отдельных высказываний в группы. Анализировались рассказы и ответы на вопросы, а также ассоциации на слово «безопасность».

Рассказ и ответы на вопросы оценивали по следующим категориям.

Тема рассказа: 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема (Леонтьев, 1998, с. 113–115).

Герой: 1 – активный, 2 – пассивный.

Направленность угрозы: 1 – внешняя, 2 – внутренняя, 3 – отсутствует.

Тип угрозы: 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Средства достижения/сохранения безопасности: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, единение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

Ассоциации на слово «безопасность» разделили по следующим категориям: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (дом, семья, друзья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

Для уточнения принципа кодировки использовались экспертные оценки (6 экспертов работали парами с результатами каждой из трех групп испытуемых).

Обработка результатов проводилась с помощью U-критерия Манна–Уитни, W-критерия Уилкоксона, ϕ -критерия Фишера (программа Statistica 6.0).

Результаты

1. Сопоставление описания ситуаций опасности и безопасности по критериям «тема рассказа», «герой и направленность угрозы»,

«тип угрозы» «исход рассказа» «средства достижения/сохранения безопасности».

С целью анализа результатов сравнивали три группы испытуемых, которым давали разные инструкции: группе 1 — «представить героя в состоянии опасности и придумать рассказ», группе 2 — «представить героя в состоянии безопасности и придумать рассказ», группе 3 – стандартная инструкция – «придумать рассказ». Сравнительный анализ показал, что между двумя первыми группами есть различия по *восприятию картинки* (первичная оценка с помощью 10-балльной шкалы «безопасность–опасность») ($Me_1 = 2$, $Me_2 = 4$; $U = 1469$, $P = 0,00$). Однако в целом она воспринимается скорее как безопасная, нежели опасная. Восприятие картинки второй и третьей группой не различается ($U = 1872$, $p = 0,22$).

При сравнении оценок *рассказов* испытуемыми первой и второй группы по этой же шкале (вторичная оценка) оказалось, что первая группа воспринимает свои рассказы как содержащие угрозу в большей степени, чем вторая ($Me_1 = 7$, $Me_2 = 2$; $U = 575,5$; $P = 0,00$).

Сравнение оценок картинке и рассказа в первой группе показало значительное увеличение показателей по шкале под влиянием инструкции ($T = 104,5$; $p = 0,00$), а во второй группе – значительное уменьшение оценок также под влиянием инструкции ($T = 181,5$; $p = 0,00$). Оценка восприятия картинке и восприятия своего рассказа по картинке не меняется у третьей группы, которой давали стандартную инструкцию ($T = 58,5$; $p = 0,6$).

Далее анализ результатов проводился по отдельным категориям.

Результаты (см. таблицу 1) еще раз подтвердили предположение о том, что выбранная картинка ТАТ действительно актуализирует личностные проблемы ($n = 103$). Далее по частоте упоминания располагаются интимная тема ($n = 43$) и тема физического комфорта/дискомфорта ($n = 37$). Реже всего актуализируется фантастическая ($n = 3$), профессиональная ($n = 13$), социальная ($n = 15$) и семейная тема ($n = 20$). Различия между первой группой и двумя остальными были получены только по социальной теме ($\varphi = 4,01$, $p = 0,00$; $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$).

Для проверки гипотезы 1 о том, что в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности, при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы, проводилось сопоставление рассказов, полученных при предъявлении разных инструкций («опасность», «безопасность», «стандартная») по отдель-

Таблица 1

Категория «тема рассказа»
(частота встречаемости рассказов по разным темам)

№ группы	Тема рассказа						
	1	2	3	4	5	6	7
1 гр.	9	3	38	8	13	11	1
2 гр.	7	4	36	0	17	13	1
3 гр.	4	4	29	1	13	13	1
Сумма	20	13	103	15	43	37	3

Примечание: цифрами обозначены темы рассказов. 1 – семейная; 2 – профессиональная; 3 – личная; 4 – социальная; 5 – интимная; 6 – тема физического комфорта/дискомфорта; 7 – фантастическая тема.

ным категориям. При статистической обработке результатов различия между группами по переменной «активный герой» получены не были (см. таблицу 2). По переменной «пассивный герой» различия были выявлены только между 1 и 3 группами ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$).

По категории «направленность угрозы» различия получены только по субкатегориям «внутренняя угроза» при сравнении 1-й и 2-й групп ($\varphi = 3,99$; $p = 0,00$), 1-й и 3-й групп ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и «отсутствие угрозы» при сравнении 1-й группы с двумя остальными ($\varphi = 4,3$, $p = 0,00$; $\varphi = 3,8$, $p = 0,00$).

Группы 2 и 3 также различаются между собой по субкатегории «отсутствие угрозы» ($\varphi = 1,99$; $p = 0,027$). Кратко комментируя полученные результаты, отметим, что позиция героя рассказа в целом чаще представлена как пассивная, выжидательная, причем она одинаково часто встречается как в ситуации большей (группа 1), так и в ситуации меньшей опасности (группа 2). Это значит, что различия между группами во многом должны быть обусловлены индиви-

Таблица 2

Категории «герой» и «направленность угрозы»

№ группы	Герой		Направленность угрозы		
	активный	пассивный	внешняя	внутренняя	отсутствует
1	26	43	32	38	0
2	29	40	22	15	34
3	32	29	21	21	19
Сумма	87	112	75	74	53

дуальными особенностями. Три группы испытуемых различаются по показателю «внутренняя угроза», причем уверенность в наличии угрозы (группа 1) усиливает внутренние сомнения, переживания и напряжение, т. е. угрозу самоидентичности.

Оценивая общие, суммарные показатели по категории «тип угрозы» (см. таблицу 3), можно отметить, что вне зависимости от исходных установок чаще всего называется физическая угроза (угроза жизни, здоровью, опасность), затем – угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука, изоляция, непонимание со стороны других людей).

При статистической обработке результатов было выявлено, что установка на опасность (группа 1), по сравнению с иными установками, например, на безопасность (группа 2), приводит к повышению вероятности физической угрозы ($\varphi = 3,3$, $p = 0,00$), угрозы психическому благополучию ($\varphi = 3,8$, $p = 0,00$), а вероятность такой угрозы, как встреча с новым, ($\varphi = 2,28$, $p = 0,01$), наоборот, снижается.

Различий между группами по остальным типам угроз выявлено не было. Эти результаты позволяют частично подтвердить гипотезу 1, согласно которой в состоянии опасности наибольшей угрозой будет считаться угроза смерти и угроза потери самоидентичности (сохранения психической безопасности), при этом спектр средств преодоления опасности будет сужаться при снижении степени угрозы. Вторая часть гипотезы проверяется дальше, при анализе категории «средства достижения/сохранения безопасности».

Таблица 3

Категория «тип угрозы»

№ группы	Тип угрозы						
	1	2	3	4	5	6	7
1	28	1	4	12	22	3	1
2	11	0	4	9	5	2	5
3	18	0	2	9	9	2	4
Сумма	57	1	10	30	36	7	10

Примечание: цифрами обозначены типы угроз. 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызения совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизвестное.

Анализ результатов показал, что большинство рассказов не имеют определенного финала, хотя положительный исход рассказа также встречается довольно часто (см. таблицу 4). Меньше всего рассказов с негативным исходом. Статистический анализ позволил конкретизировать результаты: все группы идентичны по количеству рассказов с неопределенным исходом, однако установка на угрозу значительно снижает количество позитивных исходов ($\varphi = 3,07$; $p = 0,00$) и существенно повышает вероятность негативных исходов ($\varphi = 5,6$; $p = 0,00$).

В целом испытуемые чаще выбирают такие средства достижения/сохранения безопасности, как самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку, и одинаково часто прибегают к контролю над ситуацией; к волевому решению проблемы, к изменению ситуации и к стратегии избегания опасности (см. таблицу 5).

Сравнительный анализ групп показал, что между двумя последними разница в средствах сохранения безопасности наблюдается

Таблица 4

Категория «исход рассказа»

№ группы	Исход рассказа		
	позитивный	негативный	неопределенный
1	22	15	33
2	40	0	30
3	22	4	35
Сумма	84	19	98

Таблица 5

Категория «средства достижения/сохранения безопасности»

№ группы	Средства достижения/сохранения безопасности										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	6	20	20	10	1	1	4	10	1	0	0
2	10	6	23	2	0	1	0	4	0	9	6
3	6	3	16	8	0	2	1	7	0	5	2
Сумма	22	29	59	20	1	4	5	21	1	14	8

Примечание: 1 – контроль над ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

только по субкатегории «избегание опасности». Сравнение двух основных групп выявило интересную тенденцию. При наличии опасной ситуации количество и разнообразие средств ее преодоления повышается. Различия между первой и второй группами получены по субкатегориям «обращение за помощью» ($\varphi = 3,2$; $p = 0,00$), «избегание» ($\varphi = 2,6$; $p = 0,003$) и «волевое усилие, изменение ситуации» ($\varphi = 1,78$; $p = 0,03$), причем показатели у первой группы оказываются выше, чем у второй группы. Эти данные позволяют полностью подтвердить первую гипотезу исследования.

2. Анализ ассоциаций на слово «безопасность». Проверялась гипотеза 2: безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода.

Чаще всего «безопасность» понимается как внутренний комфорт (спокойствие, тепло), который был назван нами пассивным – 52% (см. таблицу 6); далее по степени убывания частоты ассоциаций идет защищенность, т. е. наличие границ (40%), внешний комфорт, т. е. дом, семья, друзья и т. д. (36%), и активно достигаемый внутренний комфорт (31%).

В 14% случаев безопасность интерпретируется как порядок, контроль, соблюдение норм и правил. Остальные категории безопасности, в том числе и свобода, самореализация, упоминаются менее чем в 7% случаев. Наиболее существенные различия между основными группами касаются самой нагруженной группы ассо-

Таблица 6

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в разных группах

№ группы	Группы ассоциаций										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1	29	27	6	11	32	17	6	3	1	2	2
2	29	29	5	9	42	26	3	2	1	1	1
3	22	16	2	9	31	19	4	0	0	2	1
Сумма	80	72	13	29	105	62	13	5	2	5	4

Примечание: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилье, семья); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

циаций – пассивного внутреннего комфорта. При установке на восприятие ситуации как угрожающей субъект реже приписывает безопасности состояние комфорта, как пассивно ($\varphi = 1,7$; $p = 0,04$), так и активно ($\varphi = 1,6$; $p = 0,05$) достигаемого. Однако если учесть, что полученные числовые значения попадают в зону неопределенности, то однозначно утверждать, что это действительно так, невозможно. Отсутствие существенных различий в ассоциациях между тремя группами показывает, что представление о безопасности устойчиво и практически не меняется в зависимости от контекста. Тем не менее, гипотеза 2 о том, что безопасность одинаково часто переживается как защищенность и как свобода, не подтверждается.

3. Выявление индивидуальных различий между людьми в восприятии опасности/безопасности.

Для проверки гипотезы 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, был проведен кластерный анализ данных в каждой из трех исследуемых групп.

В таблице 7 представлены его результаты. Кластерный анализ позволяет выделить 4 группы испытуемых: 1. несензитивные к угрозе (кластеры 1₃, 2₂, 3₃); 2. высоко сензитивные к угрозе (1₂, 3₂); 3. умеренно сензитивные к угрозе (2₁, 3₁) и 4. амбивалентные (1₁, 2₃). Несензитивные к угрозе ($n = 91$) входят во все три обследуемые группы, высоко сензитивные к угрозе – в первую и третью группы ($n = 30$), умеренно сензитивные – во вторую и третью ($n = 33$) и амбивалентные – в первую и вторую группы ($n = 47$). Безусловно, такое деление выборки в целом вызвано предлагаемыми нами инструкциями, однако не снижает внешнюю валидность исследования. Прежде всего это касается таких кластеров, как «амбивалентные» и «умеренно сензитивные к угрозе». Именно данные группы при определенных обстоятельствах могут демонстрировать снижение или повышение чувствительности к угрозе, но только в ограниченном, заданном их личностной структурой диапазоне.

Для проверки гипотезы, выдвинутой в этой части исследования, проанализируем представления испытуемых об угрозе и средствах ее устранения в выделенных путем кластеризации группах: «несензитивные к угрозе», «высоко сензитивные к угрозе», «умеренно сензитивные к угрозе» и «амбивалентные».

Таблица 7

Описательная статистика кластеров каждой обследуемой группы

Кластеры		Оценка картинки М	Оценка рассказа М	N
Группа 1 (инструкция «опасность»)				
1 ₁	амбивалентные	1,7	8,2	32
1 ₂	высоко чувствительные к угрозе	6,4	6,3	16
1 ₃	несензитивные к угрозе	1,5	2,9	22
Группа 2 (инструкция «безопасность»)				
2 ₁	умеренно чувствительные к угрозе	4,3	3,6	21
2 ₂	несензитивные к угрозе	2,4	1,3	34
2 ₃	амбивалентные	7	1	15
Группа 3 (стандартная инструкция)				
3 ₁	умеренно чувствительные к угрозе	4,1	4,1	12
3 ₂	высоко чувствительные к угрозе	6,7	8,6	14
3 ₃	несензитивные к угрозе	2,2	1,6	35

«Несензитивные к угрозе» субъекты (кластеры 1₃, 2₂, 3₃) представляют собой часть выборки (45%), которая достаточно позитивно воспринимает неоднозначно интерпретируемый стимул (сюжетную картинку) вне зависимости от инструкции. Можно предположить, что это люди с низким уровнем тревожности, ориентированные на принятие другого человека, с выраженным чувством доверия и эмпатии. Следует также иметь в виду, что среди этой группы людей могут встречаться субъекты, избегающие негативного опыта, игнорирующие его. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинки) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. Во всех трех случаях (кластерах) различия между первичной и вторичной оценками были выявлены. У несензитивных к угрозе испытуемых при предъявлении инструкции о наличии опасности (кластер 1₃) были найдены различия между восприятием картинки и восприятием своего рассказа, причем оценки по шкале «безопасность – опасность» повышались ($T = 7$; $p = 0,001$). В другой подгруппе испытуемых (кластер 2₂) при предъявлении инструкции о безопасности оценки по этой же шкале снижались ($T = 43,5$; $p = 0,00$). При стандартной инструкции (кластер 3₃) оценки также снижались ($T = 83$; $p = 0,02$). Данные указывают на то, что несензитивные к угрозе люди способны на нее реагировать, однако эта реакция не превышает

Таблица 8

Категория «тип угрозы»

Группы	Тип угрозы (в долях)						
	1	2	3	4	5	6	7
несензитивные	10,9	1,1	3,3	8,8	13,2	5,5	3,3
чувствительные	38,1	0	7,9	14,3	28,6	1,6	6,4
амбивалентные (кластер 1 ₁)	53,1	0	6,3	6,3	31,3	0	0
амбивалентные (кластер 2 ₃)	26,7	0	6,7	0	20	0	6,7

Примечание: цифрами обозначены типы угроз. 1 – физическая угроза, угроза жизни; 2 – угрозы, связанные с профессией; 3 – ограничения (свободы, творчества); 4 – социальное одиночество; 5 – угроза психическому благополучию (аутоагрессия, недовольство собой, страхи, угрызания совести, депрессия); 6 – случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства; 7 – новое, неизведанное.

среднего уровня оценок угрозы по шкале «безопасность–опасность», т. е. находится в диапазоне низких оценок.

Для прояснения особенностей этой части выборки был проведен анализ результатов с учетом отдельных категорий: «тип угрозы», «средства достижения/сохранения безопасности», «исход рассказа». По сравнению с остальными группами, профиль угроз оказывается несколько ниже. Выражены «угроза психическому благополучию» и «физическая угроза», а также «социальное одиночество» (см. таблицу 8). По сравнению с остальными группами, несензитивные к угрозе испытуемые демонстрируют значимо более высокие показатели ($p < 0,01$) по типу угрозы «случайность, неожиданность, непредвиденные обстоятельства», что частично подтверждает гипотезу 3.

При наличии установки на опасность (кластер 1₃), по сравнению с установкой на безопасность (кластер 2₂), значимо возрастают прежде всего угроза психическому благополучию, а затем физическая угроза ($p = 0,00$). Особенности этой группы испытуемых является разнообразие угроз и отсутствие фиксации на какой-либо из них.

Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание и (реже) контроль за ситуацией, внимание; волевое усилие, изменение ситуации (см. таблицу 9).

Первая из названных стратегий устойчива вне зависимости от изменения установок («опасность»–«безопасность»). При смене установок наблюдается повышение стремления к изменению ситуации волевым усилием и снижение ориентации на физический комфорт, уединение ($p \leq 0,01$) в случае переживания опасности. По катего-

Таблица 9

Категория «средства избегания опасности/достижения безопасности»

Группы	Средства избегания опасности/достижения безопасности (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
несензитивные	13,2	7,7	26,4	6,6	0	1,1	1,1	9,9	1,1	12,1	5,5
сензитивные	3,2	12,7	28,6	9,5	1,6	0	1,6	12,7	0	3,2	3,2
амбивалентные (кластер 1 ₁)	6,3	37,7	21,9	15,6	0	0	9,4	9,4	0	0	0
амбивалентные (кластер 2 ₂)	20	6,7	53,3	0	6,7	0	0	6,7	0	6,7	6,7

Примечание: 1 – контроль за ситуацией, внимание; 2 – обращение за помощью; 3 – самоанализ, позитивное мышление, понимание; 4 – избегание, выжидание; 5 – отрицание избегания; 6 – знания, информированность; 7 – соблюдение правил, порядок; 8 – волевое усилие, изменение ситуации; 9 – течение времени, ход событий; 10 – физический комфорт, уединение; 11 – позитивное эмоциональное состояние.

рии «исход рассказа» из 91 рассказа испытуемых этой группы – несензитивных к угрозе – только в одном случае исход был явно негативным, а в остальном рассказы были либо с позитивным, либо с неопределенным исходом.

Анализ ассоциаций (см. таблицу 10), предлагаемых испытуемыми этой группы на слово «безопасность», подтвердил наличие у них способности вариативно реагировать на угрозу, оставаясь при этом активными. По сравнению с сензитивными к угрозе испытуемыми, они в большей степени склонны понимать безопасность как свободу, самореализацию ($\varphi = 1,8$; $p = 0,03$), а также объяснять ее через осуществление активных действий, противодействие ($\varphi = 7$; $p = 0,00$). Привычными для несензитивных к угрозе испытуемых ассоциациями являются такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт», «активный внутренний комфорт», «защищенность».

Высоко сензитивные к угрозе субъекты (кластеры 1₂, 3₂) представляют собой часть выборки (15%), которая ощущает угрозу как при восприятии предлагаемой картинке, так и при оценке своего рассказа по картинке. С помощью критерия Уилкоксона было проведено сравнение первичной оценки (оценки картинке) и вторичной оценки (оценки рассказа по картинке) при разных инструкциях. В отличие от предыдущей группы несензитивных к угрозе испытуемых, в этой группе различия между переменными не были выяв-

Таблица 10

Количество и характер ассоциаций на слово «безопасность» в группах несензитивных ($n = 91$), сензитивных ($n = 63$) и амбивалентных

Группы	Группы ассоциаций (в долях)										
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
несензитивные	36,3	30,8	7,7	12,1	53,8	34,1	6,6	1,1	1,1	4,4	0
сензитивные	44,4	31,7	1,6	19,1	55,6	28,6	4,8	1,6	0	0	0
амбивалентные (кластер 1 ₁)	50	56,3	12,5	12,5	40,6	18,8	12,5	9,4	3,1	3,1	6,3
амбивалентные (кластер 2 ₂)	26,7	21,9	6,7	13,3	60	21,9	0	0	0	0	0

Примечание: 1 – защита от внешних угроз, защищенность; 2 – внешний комфорт (жилья, семьи); 3 – свобода, самореализация; 4 – порядок, контроль, соблюдение норм, правил; 5 – пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие); 6 – активный внутренний комфорт (проявление, доверие, знание, информированность); 7 – здоровье; 8 – деньги, обеспеченность; 9 – быть с Богом, единение с природой; 10 – активные действия, противодействие; 11 – власть, государство.

лены. Как в случае инструкции о наличии опасности (кластер 1₂), так и в случае предъявления стандартной инструкции (кластер 3₂) первичная и вторичная оценки совпадали ($T = 27$, $p = 0,95$; $T = 26$, $p = 0,1$ соответственно). Такая же картина наблюдается в группе умеренно сензитивных к угрозе испытуемых.

Анализ данных с учетом отдельных категорий показал следующее. По типу угрозы доминируют, прежде всего, «физическая угроза» и значительно реже – «угроза психическому благополучию», «угроза социального одиночества». Средствами достижения/сохранения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помощью; волевое усилие, изменение ситуации. По категории «исход рассказа» ровно половина историй имеют неопределенный исход (50%), а остальные – позитивный и негативный (по 25%).

Умеренно сензитивные к угрозе (кластеры 2₁, 3₁) представляют собой группу, у которой, как и у высоко сензитивных к угрозе субъектов, отсутствуют различия между первичной оценкой (оценкой картинке) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) ($T = 35$, $p = 0,06$ для кластера 2₁; $T = 26,5$, $p = 0,9$ для кластера 3₁). По типу угрозы умеренно сензитивные индивиды, у которых наиболее часто фигурирует физическая угроза и угроза психическому

благополучию, также идентичны высоко сензитивным субъектам. Наблюдается слабо выраженная угроза социального одиночества. Обе группы не различаются и по средствам достижения/сохранения безопасности – по ориентации на такие стратегии, как самоанализ, позитивное мышление, понимание; обращение за помощью; волевое усилие, изменение ситуации. У умеренно сензитивных к угрозе индивидов преобладают рассказы с неопределенным финалом. Такие же результаты получены у высоко сензитивных к угрозе личностей.

Подводя промежуточные итоги, следует сделать вывод, что обе группы – высоко и умеренно сензитивные к угрозе испытуемые – идентичны друг другу, поэтому представляют собой одну группу ($n = 63$, или 31% от общей выборки), которая может быть названа группой *сензитивных к угрозе субъектов* (см. таблицы 8, 9, 10).

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» сензитивные к угрозе личности мало отличаются от несензитивных, однако типичным для них является более узкое толкование безопасности как состояния внутреннего комфорта и защищенности. Переживание безопасности как свободы практически не встречается.

Амбивалентные индивиды (кластеры 1₁, 2₃) представляют собой группу (23% общей выборки), у которой различия между первичной оценкой (оценкой картинке) и вторичной оценкой (оценкой рассказа по картинке) наиболее выражены, по сравнению со всеми остальными группами ($T = 104,5$, $p = 0,00$ для кластера 1₁; $T = 2$, $p = 0,001$ для кластера 2₃).

Особенности выделенной группы состоят в том, что значения их оценок до и после предъявления инструкции значительно расходятся: либо в сторону повышения показателей по шкале «безопасность – опасность» (кластер 1₁), либо в сторону их снижения (кластер 2₃). Попадая в общую группу, названную «амбивалентные», испытуемые обеих подгрупп отличаются друг от друга по ряду признаков.

Одна подгруппа амбивалентных (кластер 1₁, $n = 32$) характеризуются тем, что первичное восприятие картинке не вызывает у них опасности (оценка не отличается от группы несензитивных к угрозе личностей). Однако, в отличие от несензитивных личностей, у амбивалентных после предъявления инструкции «представьте ситуацию опасности и составьте по ней рассказ» оценка по шкале «опасность – безопасность» значительно повышается. Прямое действие по инструкции, с нашей точки зрения, может означать, что такая личность внушаема, ориентирована на авторитет, зависима и в ре-

ально безопасной ситуации может почувствовать угрозу, если прислушается к мнению, оценке другого человека. Это своеобразная компенсация того, что в данной группе не акцентирована угроза социального одиночества (см. таблицу 8), которая выделяется в двух ранее описанных группах. Ослабление такой угрозы может означать уверенность в возможности присоединиться к авторитетной фигуре, быть симбиотически связанным с ней. Эта же особенность типична для другой группы амбивалентных личностей. В настоящей работе данный комментарий следует рассматривать как предположение, которое подтверждается лишь частично и требует новых доказательств.

Страх утратить социальные связи, который, несмотря на незначительную по сравнению с другими угрозами частоту упоминания, наблюдается у несензитивных к угрозе и сензитивных личностей, следует рассматривать как стимул для поддержания и развития социальных контактов. Как отмечает Ж.-М. Кинодо, сепарационная тревога «является структурирующим переживанием для Эго, поскольку восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас» (Кинодо, 2008, с. 15). По-видимому, снижение угроз, связанных с социальным одиночеством, вызвано ориентацией амбивалентной личности на послушание, конформизм и установление симбиотических отношений со значимым Другим, определяется уверенностью в постоянстве этих отношений, в их неизменности. Безусловно, могут быть случаи отрицания сепарационной тревоги либо ее вытеснения, однако в настоящей работе мы не ставили задачу выявления подобных случаев.

Доказательством этого факта является выбор средств достижения/сохранения безопасности (см. таблицу 9). По сравнению с остальными группами (несензитивными $\varphi = 3,7$, $p = 0,00$; сензитивными $\varphi = 2,7$, $p = 0,00$; амбивалентными (кластер 2₃) $\varphi = 2,5$, $p = 0,00$) в группе амбивалентных (кластер 1₁) такое средство, как «обращение за помощью», является ведущим. Второе место по степени значимости отведено самоанализу и позитивному мышлению, третье – избеганию угрозы.

Отсутствие угроз, связанных со случайностью, с непредвиденными обстоятельствами, а также с появлением чего-то нового, неизвестного (данные анализа рассказов) контрастирует с ассоциациями, которые дают испытуемые этой группы на слово «безопасность».

По характеру ассоциаций на слово «безопасность» (см. таблицу 10) амбивалентные (кластер 1₁) отличаются от несензитивных к угрозе испытуемых описанием безопасности с помощью таких групп категорий, как внешний комфорт (наличие близких, жилья, друзей) ($\varphi = 2,6$, $p = 0,01$) и деньги ($\varphi = 3,0$, $p = 0,00$), не учитывается важность такой категории, как активный внутренний комфорт (прояснение, доверие, знание, информированность) ($\varphi = 1,76$, $p = 0,03$). Оказалось, однако, что так же, как группа несензитивных к угрозе испытуемых, амбивалентные (кластер 1₁), кроме категорий «внешний комфорт (поддержка)» и «защищенность», описывают безопасность в терминах свободы и самореализации. По сравнению с сензитивными, амбивалентные (кластер 1₁) характеризуются пониманием безопасности как внешнего комфорта ($\varphi = 2,3$; $p = 0,01$) и свободы ($\varphi = 2,1$; $p = 0,01$). Если учитывать тот факт, что работа с картинкой (через механизм проекции) обнаруживает установки, скрытые от сознания субъекта, а ассоциации на слово «безопасность», наоборот, лежат в области осознаваемых оценок, то у амбивалентных (кластер 1₁) наблюдается явное противоречие между бессознательной зависимостью от другого человека (на уровне сознания обнаруживаемая как поиск внешнего комфорта) и сознательно декларируемой свободой как признаком безопасности. Выявленные тенденции подтверждают правильность выбора термина «амбивалентные» в качестве названия этой группы. Выявлены оппозиции, которые показывают, что в этой группе могут конфликтовать неосознаваемое желание сохранения симбиотических отношений и сознательная установка на свободу и независимость. Выделенная особенность позволяет назвать эту группу амбивалентных личностей *зависимыми, несепарированными*.

Вторая группа амбивалентных (кластер 2₃, $n = 15$) малочисленна. Под влиянием инструкции первичная реакция на ситуацию (картинку) как на угрожающую заменяется на оценку рассказа, составленного по этой картинке, как безопасного. В данной группе угроза психическому благополучию (см. таблицу 8) менее выражена, по сравнению с физической угрозой. При выборе средств используются рациональные приемы совладания с угрозой – самоанализ и позитивное мышление, а также контроль за ситуацией (см. таблицу 9).

Наиболее частыми ассоциациями на слово «безопасность» (см. таблицу 10) являются признаки, формирующие такие группы ассоциаций, как «пассивный внутренний комфорт» и «защищенность». Термин «амбивалентные» также подходит для обозначения этой

группы, поскольку для нее типично проявление полярных установок: на активный анализ своего состояния и на пассивный внутренний и внешний комфорт, защищенность. В связи с наличием таких тенденций, которые указывают на фиксацию на стратегии самоанализа при отрицании угрозы психического благополучия (а значит – слабой интеграции Эго), эта группа амбивалентных была названа *диффузными*.

Гипотеза 3 о том, что низкий уровень чувствительности к ситуации опасности связан с переживанием угрозы как случайного события, а также с ориентацией на внешние способы устранения этой опасности, подтверждается частично.

Обсуждение результатов

Принято считать, что безопасность обеспечивается извне, определяется, как говорил А. Маслоу, условиями, в которых живет человек, «стабильностью, отлаженным функционированием хорошего общества» как в широком (социум), так и в более узком (семья) смысле этого слова. Безусловно, последовательность, предсказуемость, нехаотичность средовой культуры является основанием для появления ощущения внутреннего комфорта, стабильности каждого человека, включенного в эту среду. Однако для создания более полного представления о безопасности необходимо обращение не только к социальным, но и к личностным факторам, которые в работах цитируемых нами выше психологов рассматриваются через призму таких конструктов, как конгруэнтность (К. Роджерс), ответственность, спонтанность, доверие (К. Хорни), защита и участие (А. Маслоу).

Сопоставление двух контекстов, эмпирически заданных инструкциями «состояние опасности» и «состояние безопасности» на фоне стандартной (нейтральной по отношению к конструкту «опасность/безопасность») инструкции, позволило выделить наиболее выраженные по частоте угрозы, способы достижения/сохранения безопасности. Показано, что при разных инструкциях угроза в равной степени может быть как внешней, так и внутренней, при этом субъект чаще бывает пассивен, чем активен. По частоте упоминания называются прежде всего физическая угроза (угроза жизни, здоровью, опасности), далее угроза психическому благополучию (депрессия, недовольство собой, угрызения совести, уныние и др.) и угроза социального одиночества (проблемы общения, разлука,

изоляция, непонимание со стороны других людей). Угроза жизни, страх нападения, ранения, самоуничтожения (самоубийства), т. е. физическая угроза в связи с также часто выраженной угрозой психического благополучия в целом определяют базальные страхи человека не только за свое физическое здоровье, но за целостность, ценность и открытость миру своего Я. Переживание диффузности и непоследовательности внутреннего опыта, страх разрушения (внедрения в психологическое пространство) или саморазрушения (сумасшествие, самоубийство) являются призмой, через которую преломляется социальная событийность, причем не всегда угрожающего характера. При увеличении степени угрозы статистически значимо возрастают только эти два типа угроз – физическая угроза и угроза психического благополучия.

Типичными способами достижения безопасности называются самоанализ, позитивное мышление; обращение за помощью к другому человеку, в меньшей степени – контроль за ситуацией, волевое решение проблемы и стратегия избегания опасности. Самоанализ и позитивное мышление как самая частая стратегия достижения безопасности является психологическим средством, которое позволяет справиться с опасностью рациональным способом, изменить отношение к ней, принять адекватное решение. Связь физической угрозы с самоанализом, на первый взгляд, кажется артефактной. Однако самоанализ как универсальная, *общая личностная стратегия* очень вариативен. При физической угрозе он выполняет функции оценки своих сил, контроля уровня возбудимости, импульсивности. При угрозе психического благополучия самоанализ направлен на исследование и изменение Я, при угрозе социального одиночества – на анализ отношений. Вторую стратегию – обращение за помощью – также можно обозначить как *общую*. В случае опасности значимый Другой позволяет распределить ответственность, объединить усилия, контролировать эмоции, подтвердить универсальность опыта, переживаемого субъектом, а значит – указать на наличие выработанных человечеством способов решения проблемы. Эта мысль является центральным тезисом аналитической психологии К. Юнга, который утверждал, что «все люди глубоко связаны друг с другом... ни одно индивидуальное переживание не является абсолютно идиосинкратическим, отдельным от судьбы остальных» (Стайн, 2009, с. 132), т. е., согласно Джону Донну, «нет человека, что был бы сам по себе, как остров; каждый живущий – часть континента...» (там же).

Важно отметить, что вне зависимости от того, в каком состоянии находится человек («опасность», «безопасность», «нейтральное»), его представление о безопасности инвариантно. По выделенным группам ассоциаций с безопасностью чаще всего соотносят пассивный внутренний комфорт (спокойствие, тепло, благополучие), защищенность (отсутствие угроз, защита), внешний комфорт (дом, семья, друзья). В настоящем исследовании доказано, что при усилении угрозы вариативность используемых способов достижения безопасности увеличивается, т. е. состояние опасности является стимулом для актуализации внутренних ресурсов человека, его возможностей, направленных на нивелирование угрозы. В этом случае субъект прибегает как к общим (универсальным) стратегиям, так и к частным.

Кластерный анализ данных позволил выделить три группы людей, по-разному воспринимающих угрозу и по-своему реагирующих на нее. Предваряя интерпретации каждой группы в отдельности, следует отметить, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности. Несензитивные к угрозе личности (типичная угроза – угроза психическому благополучию) воспринимают безопасность не только как защищенность, но и как свободу, самореализацию, которые не конфликтуют друг с другом. Степень угрозы в этой группе ниже, чем во всех остальных, и, с нашей точки зрения, она сопряжена с *угрозой стагнации Я*. Кроме универсальных стратегий, применяются изменение ситуации усилием воли и контроль над ситуацией. Несензитивные к угрозе личности способны рассматривать некоторые опасности как случайность, неожиданность, что позволяет им дифференцировать разные типы угроз и повышать общий уровень личной безопасности.

Сензитивные к угрозе личности (типичная угроза – физическая) воспринимают безопасность как состояние внутреннего комфорта и защищенности, воспринимают среду как небезопасную, стремятся к установлению границ, поэтому личная безопасность сензитивного к угрозе человека сопряжена с *угрозой внедрения в сферу Я*. Используют универсальные способы достижения безопасности, однако нередко избегают опасности.

Амбивалентные личности представлены двумя подгруппами: амбивалентные зависимые и амбивалентные диффузные. Первая подгруппа – зависимые (типичная угроза – физическая угроза) – воспринимает безопасность амбивалентно: и как внешний ком-

форт, и как свободу, самореализацию. В отличие от несензитивных к угрозе личностей, у зависимых эти две тенденции конфликтуют, что проявляется в неосознаваемом страхе потери внешней опоры, авторитетной фигуры при декларации стремления к свободе и независимости. Личная безопасность связана с *угрозой сепарации, с потерей ощущения защищенности Я*. Типичные способы достижения безопасности – обращение за помощью. Вторая подгруппа – диффузные (типичная угроза – физическая угроза, угроза жизни, атипичная – социальное одиночество) – в отличие от амбивалентных зависимых обнаруживает внутреннюю противоречивость не в конфликте «зависимость–свобода», а в конфликте «активный самоанализ – пассивный внутренний комфорт». Именно в этой группе самоанализ, позитивное мышление направлены не на внутреннюю работу, а на нивелирование угрозы, на ее отрицание (по-существу, на избегание), что и приводит к быстрой переоценке ситуации с опасной на безопасную. Пассивный внутренний комфорт как типичная ассоциация на слово «безопасность» характеризует группу как внутренне неструктурированную, диффузную, а отрицание социального одиночества как угрозы и игнорирование помощи другого – как проблему интеграции в социальный контекст, избегание контактов. По сравнению с сензитивными к угрозе личностями, это не угроза внедрения, которая предполагает ясное представление о своих границах, интегрированную идентичность, а более сильная угроза, связанная с недоверием, с *угрозой потери Я*.

Выводы

1. В исследовании показано, что личная безопасность в значительной степени определяется личностными предпочтениями, особенностями субъективного восприятия мира.
2. Типичными угрозами психологической безопасности человека являются физическая угроза, угроза психическому благополучию и угроза социального одиночества.
3. Выделены универсальные (самоанализ, обращение за помощью) и специфические (контроль, волевое усилие, избегание) стратегии достижения безопасности.
4. Безопасность чаще всего ассоциируется с пассивным внутренним комфортом, защищенностью и внешним комфортом. Вклад таких ассоциаций, как свобода и самореализация, незначителен.

5. Определены различия между несензитивными, сензитивными к угрозе личностями и личностями амбивалентными. Показано, что в целом личная безопасность человека проявляется в виде разных стратегий защиты Я, защиты своей идентичности.

Литература

- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Кинодо Ж.-М. Приручение одиночества. М.: Когито-Центр, 2008.
- Леонтьев Д. А. Тематический апперцептивный тест. М.: Смысл, 1998.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 2001.
- Роджерс К. Искусство консультирования и терапии. М.: Апрель-Пресс-Эксмо, 2002.
- Соколова Е. Т. Проективные методы исследования личности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.
- Стайн М. Принцип индивидуации: О развитии человеческого сознания. М.: Когито-Центр, 2009.
- Хржановски Г. Психоаналитические теории Карен Хорни, Гарри Стека Салливена и Эриха Фромма // Энциклопедия глубинной психологии. Т. III. Последователи Фрейда. М.: Когито-Центр–МГМ, 2002. С. 358–394.
- Carter M. M., Hollon S. D., Carson R., Shelton R. C. Effects of a safe person on induced distress following a biological challenge in panic disorder with agoraphobia // Journal of Abnormal Psychology. V. 104 (1). Feb. 1995. P. 156–163.
- Christian M. S., Bradley J. C., Wallace J. C., Burke M. J. Workplace safety: A meta-analysis of the roles of person and situation factors // Journal of Applied Psychology. V. 94 (5). Sep. 2009. P. 1103–1127.
- Dickstein S. Confidence in protection: A developmental psychopathology perspective // Journal of Family Psychology. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 484–487.
- Egan M. P. Contracting for safety: A concept analysis // Crisis: The Journal of Crisis Intervention and Suicide Prevention. V. 18 (1). 1997. P. 17–23.
- Goldberg S., Grusec J. E., Jenkins J. M. Confidence in protection: Arguments for a narrow definition of attachment // Journal of Family Psychology. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 475–483.
- Helm F. L. Hope is curative // Psychoanalytic Psychology. V. 21 (4). Feb. 2004. P. 554–566.

- Isabella R. A.* Confidence in protection: Comment on Goldberg et al. (1999) // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 501–503.
- Leiter M. P., Zanaletti W., Argentero P.* Occupational risk perception, safety training, and injury prevention: Testing a model in the Italian printing industry // *Journal of Occupational Health Psychology*. V. 14 (1). Jan. 2009, P. 1–10.
- MacDonald K.* Love and confidence in protection as two independent systems underlying intimate relationships // *Journal of Family Psychology*. V. 13 (4). Dec. 1999. P. 492–495.
- Morrongiello B. A., Corbett M., Bellissimo A.* “Do as I say, not as I do”: Family influences on children’s safety and risk behaviors // *Health Psychology*. V. 27 (4). Jul. 2008. P. 498–503.
- Occhipinti S., Siegal M.* Reasoning and food and contamination // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 66 (2). Feb 1994. P. 243–253.
- Overstreet S, Braun S.* Exposure to community violence and post-traumatic stress symptoms: Mediating factors // *American Journal of Orthopsychiatry*. V. 70 (2). Apr. 2000. P. 263–271.
- Purdie-Vaughns V., Steele C. M., Davies P. G., Dittmann R., Crosby J. R.* Social identity contingencies: How diversity cues signal threat or safety for African Americans in mainstream institutions // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 94 (4). Apr. 2008. P. 615–630.
- Rappoport A.* The patient’s search for safety: The organizing principle in psychotherapy // *Psychotherapy: Theory, Research, Practice, Training*. V. 34 (3). Feb. 1997. P. 250–261.
- Schwebel D. C., Brezaussek C. M.* Father transitions in the household and young children’s injury risk // *Psychology of Men & Masculinity*. V. 8 (3). Jul. 2007. P. 173–184.
- Szapocznik J., Prado G.* Negative effects on family functioning from psychosocial treatments: A recommendation for expanded safety monitoring // *Journal of Family Psychology*. V. 21 (3). Sep. 2007. P. 468–478.
- Wallace J. C., Popp E., Mondore S.* Safety climate as a mediator between foundation climates and occupational accidents: A group-level investigation // *Journal of Applied Psychology*. V. 91 (3). May 2006. P. 681–688.
- Walumbwa F. O., Schaubroeck J.* Leader personality traits and employee voice behavior: Mediating roles of ethical leadership and work group psychological safety // *Journal of Applied Psychology*. V. 94 (5). Sep. 2009. P. 1275–1286.

- Weinstein N. D.* Why it won’t happen to me: Perceptions of risk factors and susceptibility // *Health Psychology*. V. 3 (5). 1984. P. 431–457.
- Weitlauf J. C., Smith R. E., Cervone D.* Generalization effects of coping-skills training: Influence of self-defense training on women’s efficacy beliefs, assertiveness, and aggression // *Journal of Applied Psychology*. V. 85 (4). Aug. 2000. P. 625–633.
- Wilson J. P., Petruska R.* Motivation, model attributes, and prosocial behavior // *Journal of Personality and Social Psychology*. V. 46 (2). Feb. 1984. P. 458–468.